

Симонов К

1985

«Вот она стоит перед нами, маленькая женщина в каске, в гимнастерке и сапогах, неразлучная со своей медицинской сумкой, героиня Отечественной войны, простая, веселая русская женщина из Саратова... Так заканчивался очерк Константина Симонова о военном докторе Вале Тимофеевой, опубликованный в «Известиях» 19 июля 1941 года.

А ДНЕМ раньше К. Симонов и П. Трошкин, военные корреспонденты «Известий», на сильно потрепанном редакционном «пикапе» возвратились в Москву. С Минского шоссе они приехали прямо в редакцию. Симонов оставил уже написанный очерк о Тимофеевой, а Трошкин побегал в лабораторию проявлять пленки. Снимок его «Маленькой докторши» — в каске, с медицинской сумкой на плечах — был опубликован вместе с очерком о ней.

Потом, много лет спустя, Симонов напишет, что они с Трошкиным были, пожалуй, первыми газетчиками, приехавшими с Западного фронта в Москву. 20 июля «Известия» напечатали симоновский подвал «Гордый день» о мужестве воинов полковника С. Ф. Кутепова и во всю полосу дали панораму разбитых ими фашистских танков, снятых Трошкиным перед боевыми позициями героического этого полка, оборонявшего подступы к Могилеву. А утром у газетных витрин выстраивались молчаливые толпы.

В те горячие, полные драматизма дни июля, в войсках Западного фронта находилась бригада корреспондентов-известийцев — Петр Белявский, Евгений Кригер, Алексей Сурков, Константин Симонов, Павел Трошкин, шофер редакции Павел Горбунов. Сотни километров проехали они по дорогам первых дней войны, побывали во многих частях, отражавших удары танковых клиньев гитлеровцев. Кровавопрлитные бои развернулись тогда на берегах Днепра.

На всю жизнь врезались в память К. Симонова события и встречи 13 июля. В лесу под Могилевом, в расположении 110-й стрелковой дивизии, он принял боевое крещение — проложил артезианский колодезь, а затем и атаку немецких танков. Как и всем участникам боя, корреспондентам раздали гранаты на случай прорыва фашистских машин... В этом изуродованном воронками лесу и произошла встреча Симонова с врачом Тимофеевой.

Вместе с небольшим отрядом бойцов из другой, 53-й дивизии она выходила из окружения. Выводил отряд подтянутый капитан, который и познакомил Валу с московскими газетчиками. Оказалось, что она землячка Константина Михайловича, тоже из Саратова. Даже жили на одной улице. Там закончила зубоорачебный техникум, а когда стали брать комсомолок в армию, то пошла и она. В армии — целый год. С мамой остался четырехмесячный сынишка, «лялька». Когда война началась, командир полка предлагал ей вернуться домой, но она отказалась и попросилась на передовую. «Я еще до войны занималась и перевязкой, и всем, что здесь нужно». Капитан рассказал, что Вала оказалась незаменимым человеком в полку: под пулетным огнем перевязывала раненых, выносила их с поля боя и снова возвращалась в пекло. И когда на нее двинулся немец, то она выстрелила в него из нагана. Наган держала двумя руками, уставшие пальцы не слушались ее... А поздним вечером того же дня Симонов и Трошкин при-

были в штаб полковника Кутепова. За один день 13 июля его полк уничтожил тридцать девять немецких танков. Утром Трошкин снимал сожженные останки бывших бронированных чудовищ. Продолжал снимать и тогда, когда над полем боя появился «мессершмитт» и открыл по репортеру пулеметный огонь... Когда эти снимки и очерк «Гордый день» появились в «Известиях», полк Кутепова продолжал сражаться на тех же позициях под Могилевом, на поле у деревни Буй-

ничи. Воины полка и их командиры решили стоять насмерть. О отважном полковнике Кутепове, маленькой женщине-враче Тимофеевой, в «присутствии которой мужчина не смеет не быть храбрым», глубоко запали в сердце Симонова. Пройдут годы, и герои известных очерков июля сорок первого станут прототипами главных действующих лиц эпопеи «Живые и мертвые» — генерала Серпилина, «маленькой докторши» Тани Овсянниковой.

Валу Тимофееву Константин Михайлович помнил всю жизнь. Симонов считал, что она погибла. Уж больно тяжелой была тогда обстановка под Могилевом. Писатель вспоминал, что «из всех людей, с которыми я столкнулся в ту поездку, мне потом за долгие годы довелось встретить лишь двух человек».

Работая над своими дневниками, Симонов нашел старый блокнот, бывший с ним тогда, в могилевской поездке. В нем оказалась довольно-таки подробная запись о встрече с Тимофеевой. В блокноте были сведения, которые Симонов забыл, но которые могли помочь ему в поисках «маленькой докторши». Однако в архиве личного дела военврача Тимофеевой среди сотен тысяч других дел так и не оказалось. И вдруг, в ноябре 1955 года, как раз в день своего 50-летия, Константин Михайлович получил поздравительную телеграмму от Вали Тимофеевой.

«Несмотря на неудачу в архивах, он все-таки продолжал поиск. Обратился к товарищам

по профессии — саратовским журналистам. Сообщил все имевшиеся у него сведения. Может быть, удастся найти ее, спрашивал писатель, или если она погибла, хотя бы узнать что-то о ее судьбе, разыскать следы. Саратовские журналисты близко приняли к сердцу просьбу Константина Михайловича и буквально через несколько дней отыскали адрес Тимофеевой. Оказалось, что живет она в Риге, со своим мужем, подполковником запаса, и с тремя детьми.

В тот ноябрьский день ее пригласили на почту для телефонного разговора. Вызвал Саратов. Звонили из редакции газеты «Коммунист»: «Вас разыскивает Симонов. Вы — Тая Овсянникова...» Она поняла все. И

биралась с мыслями. Потом продолжает: — Тогда, в лесу, я спросила капитана Кадомского, заместителя командира нашего 223-го полка: кто же эти командиры, что беседовали со мной и фотографировали? Он ответил: журналисты. В лицо я никого не запомнила, а разговор наш на бруствере окопа помню — собеседник-то был из Саратова, на одной улице, Сакко и Ванцетти, жили. Вспомнила тогда наш город, маму, сынишку, мужа... В конце разговора нас угостили горячей кашей — каждому по полному котелку. Съели кашу — стали фотографироваться... Нашей группе соединиться с частями своей дивизии не удалось, и мы так и остались в 110-й, которой командовал полковник Василий

Андреевич Хлебцев. Несколько раз пытались вырваться из окружения — неудачно. Полковник Хлебцев организовал партизанский отряд. Он все время пополнял за счет «окруженцев» и местных жителей. Так стала я партизанским доктором. Задача была простая и в то же время важная: не давать спокойно жить врагу на нашей земле и продвигаться на восток. Разрушали железнодорожное полотно, однажды даже мост взорвали. Ребята подбили вражеский самолет. Летчик приземлился на парашюте. Из парашютного шелка я сшила бойцам рубашки, одежда ведь у людей поизносилась, а взять было негде. Иногда заходили в села, убедившись, что в них нет немцев. Я устраивала баню, следила, чтобы в отряде не возникало никаких заболеваний. Старалась постирать бойцам белье и верхнюю одежду.

Однажды ночью удалось перестрелять охрану лагеря и освободить заключенных в нем наших военнопленных. Страшно было смотреть на них, истощенных голодом и болезнями. Самых слабых пришлось на время укрыть в отдаленных от дорог селах. Я получила задание: поставить больных на ноги. Лечила всех, как могла. Все же большинство подопечных выздоровело.

Как-то отправилась я на связь в село, а туда неожиданно въехали две машины с карателями. Гитлеровцы, видимо, подозревали, что жители связаны с партизанами. Всех выгнали на улицу, построили в один ряд. Немцы отсчитывали каждого де-

сятого и убивали. Десятыми были не только взрослые, но и дети. Я была шестая... Крестьяне знали, что я «чужая», но никто меня не выдал. Узнав о злодеяниях карате: ей, наши перекрыли дороги из этой деревни. Никто из палачей живым не ушел.

В декабре отряду удалось в районе Тулы перейти линию фронта. Но домой я не вернулась: попросилась врачом в один из подмосковных госпиталей. А летом сорок второго неожиданно узнала о существовании того очерка. — Валентина Владимировна достает с полки книжку в пожелтевшем от времени переплете. — Купила этот сборник «Медицинские работники в Великой Отечественной войне» и там вдруг чи-

таю рассказ о себе, перепечатанный из «Известий». Подпись под ним: С. Константинов какой-то. Я тут же об аздоре позабыла. Когда рассказала об этом Симонову, он улыбнулся: «Редакционная случайность, Валентина Владимировна, отодвинула нашу встречу на двадцать пять лет. 19 июля в «Известиях» напечатано два моих материала, вот и поставили под одним псевдонимом, а под другим — мою фамилию. Знал бы, все сделал наоборот...»

Осенью сорок второго Тимофееву тяжело контузило. Долго лечилась. Потом получила назначение в Приволжский военный округ, вернулась в родной Саратов. Работала заведующей приемным отделением госпиталя.

Весной 45-го мужа перевели в Ригу. Так и живет в этом

городе Валентина Владимировна, мать троих детей и бабушка пятерых внуков. Когда впервые прочла «Живые и мертвые», дрогнуло ее сердце: военная судьба «маленькой докторши» из романа до боли напомнила ей собственную...

На встречу с Константином Михайловичем в Москву она приехала вместе с «лялькой» — сыном Левоу, офицером Советской Армии, которому — помните? — в июле сорок первого исполнилось четыре месяца. Перед писателем стоял высокий стройный молодой человек. Так втроем и беседовали. Симонов подарил свою фотографию, сделанную в те дни Павлом Трошкиным, увы, не вернувшимся с войны... Пришел загодя приглашенный Симоновым фоторепор-

тер Яков Халип, друг и спутник писателя по многим фронтовым дорогам.

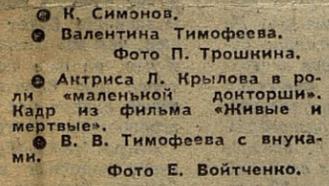
Ее дружба с Константином Михайловичем продолжалась до его кончины. Недавно В. В. Тимофеева ездила в Белоруссию.

Под Могилевом, у деревни Владимировна, как гуляет ветер над полем, где развеян прах К. Симонова. Над полем, на котором храбро сражались бойцы Кутепова, и где в окрестном лесу произошла та памятная для них встреча. Валентина Владимировна думала о том, что кровь на этом поле, на берегах Днепра, на всех ратных полях Родины пролита не напрасно.

Е. ВОСТРУХОВ, Я. МУШИН.

РИГА.

МАЛЕНЬКИЙ ДОКТОР

К. Симонов.

Валентина Тимофеева. Фото П. Трошкина.

Антриса Л. Крылова в роли «маленькой докторши». Кадр из фильма «Живые и мертвые».

В. В. Тимофеева с внуками. Фото Е. Войтченко.